

ПРИЗРАКИ.

Печальное, жуткое впечатлѣніе производятъ на войнѣ остатки разрушенныхъ построекъ...

Много я видѣлъ опустѣвшихъ полей сраженій, много брошенныхъ окоповъ, много безвѣстныхъ могилкокъ, еле-еле отмѣченныхъ простенькими деревянными крестиками, по ничто не заставляло меня такъ глубоко и грустно задумываться, какъ одиноко торчавшія среди грудъ мусора и пепла голыя дымовыя трубы, обгорѣлыя, почернѣвшія закидки и жалкіе, кое-гдѣ валяющіеся остатки домашняго скарба. Разбитое ведро, сломанное колесо безъ втулки, переплетъ изорванной книги, обломки дѣтской кровати...

Жутко подумать, что здѣсь когда-то жила цѣлая семья, спокойная, быть можетъ, даже счастливая...

Чего, чего только не видѣли эти разрушенныя стѣны!

Мнѣ всегда кажется, что мѣсто навсегда сохраняетъ память о томъ, что на немъ когда-либо происходило. Въ моихъ воспоминаніяхъ нѣтъ ни одного крупнаго момента, который бы у меня не связывался съ какимъ-нибудь мѣстомъ. И, наоборотъ: если я попадалъ на мѣста, на которыхъ происходили какія-нибудь памятные мнѣ событія, я не могу объ этихъ событіяхъ не думать и не представлять себѣ всей картины когда-то здѣсь происшедшаго. И чѣмъ недавнѣе произошли эти событія, тѣмъ ярче рисуются передъ глазами ихъ картины.

Сколько такнхъ впечатлѣній разбросала вокругъ себя война.

Живая лента безкопечваго синемотографа.

Мнѣ памятна одна груда развалинъ, которую я видѣлъ, недалеко отъ дороги по пути къ Ярославу. Я запомнилъ ее потому, что про это мѣсто мнѣ рассказывали ужасную вещь.

Когда-то здѣсь жилъ довольно состоятельный галичанинъ-огородникъ. Когда началась война, его взяли въ ряды войскъ, а дома осталась его жена и трое маленькихъ дѣтей. Скоро въ окрестностяхъ фольварка начали появляться войска. Сначала разъѣзды, австрійскіе и русскіе, а потомъ уже по обѣимъ его сторонамъ выросли окопы и пошла настоящая перестрѣлка.

Семья пряталась по угламъ хаты и въ подвалѣ, на грудахъ бураковъ и картошекъ, но скоро дѣти свыклись со свистомъ пуль и перестали ихъ бояться.

Часто пзъ окоповъ къ хутору сползались раненые солдаты, ббльшей частью австрійцы, и перевязывали тамъ свои раны. Дбти смотрбли и иногда своими маленькими рученками придерживали намокающую кровью вату и обматывали длинными прозрачными бинтами. Они свыклись и съ видомъ страданій и съ тяжелыми стонами умирающихъ и чисто по-дбтски, наивно и просто помогали тбмъ, чбмъ могли.

Ночью, когда дблалось совсбмъ темно, и когда пальба съ оббихъ сторонъ смолкала, украдкой приходили австрійскіе санитары и на длинныхъ зыбкихъ носилкахъ уносили больныхъ.

Разъ какъ-то раненые послали старшую дбвочку къ рбчкб за водой и она долго, долго не возвращалась. Ее нашли на тропинкб съ пролитыми ведрами и прострбленнымъ плечикомъ...

Ночью ее тоже положили на носилки и куда-то унесли. Съ ней ушла и ее мать и остальные дбти. Съ тбхъ поръ фольваркъ остался безъ хозяевъ. А раненые продолжали все приползать и съ каждымъ днемъ ихъ собиралось все больше и больше. Иногда санитары не успбвали каждый день заходить па хуторъ и больные лежали въ немъ безъ помощи и безъ пищи по суткамъ и больше.

Въ концб октября въ австрійскихъ войскахъ разыгралась довольно сильная эпидемія холеры, и съ тбхъ поръ, все чаще и чаще, вмбстб съ ранеными, къ одинокому хуторку стали приползать полуживые, исхудалые и посинбвшіе люди—тбни людей,—которые тутъ же валились на солому, крбчились, стонали и ббльшей частью больше уже не вставали.

Убирать эти трупы было некому, и они начали разлагаться.

А па нихъ падали все новые и новые. Жить въ этомъ аду стало невозможно, и если иногда въ него и забирались несчастные раненые, они ббльшей частью выползали изъ домика и шли куда-нибудь дальше, хотя бы подъ новый обстрблъ, лишь бы только не задыхаться въ этой ужасной атмосферб смерти и смрада.

Затянувшись па пбсколько педблъ боп разгорались все больше и больше. Окопы, какъ живые щупальцы, подползали другъ къ другу все ближе и ближе, и, наконецъ, одна изъ австрійскихъ траншей настолько пододвинулась къ хутору, что опъ сталъ мбшать ее обстрблу и приказано было его сжечь.

Порученіе это было довольно опасное: веб уже по опыту знали, что русскіе бдительно слбдятъ за тбмъ, что дблается во вражескомъ расположеніи и не пропускаютъ безнаказанно ни одного, даже самого незначительнаго движенія.

Ночью люди закуривали, прячась на дно окопа, потому что довольно было зажечь спичку, чтобы сейчасъ же засветбли пули. Часто изъ-за какого-нибудь шума, или движенія, вспыхивали сильнбйшія перестрблки и солдаты вмбсто отдыха, цблыя ночи проводили на ногахъ, утомляясь безсонницей и нервнымъ возбужденіемъ.

На поджогъ хутора добровольно вызвался молодой, только что произведенный, безусый корнетикъ, недавно начавшій свою боевую карьеру, человекъ честолюбивый, но въ то же время очень ограниченный и трусливый.

Какъ человекъ маленькій, онъ старался свою трусость скрывать подъ

А. В. Лысенко.

Въ блиндажѣ.

Рисунокъ цвѣтными карандашами съ натурѣ.

личной бравады и потому лѣзъ всюду, гдѣ только можно было крикливо отличиться и заставить о себѣ говорить.

Взявъ съ собой одного изъ солдатъ, и для храбрости, вынивъ большой стаканъ спирту, корнетъ осторожно вылѣзъ изъ своего уютнаго, крытаго окопа и поползъ по полю.

Было темно, какъ въ могилѣ, и на низинѣ по вскопанному огороду, стоялъ густой молочный туманъ. Ноги глубоко вязли въ засасывающей, липкой грязи и люди шли медленно, согнувшись почти до земли, и тяжело дыша.

Шли они, ничего передъ собой не видя, цѣликомъ, по направлению, и хотя имъ всего приходилось пройти не болѣе 200 шаговъ, нѣсколько разъ имъ казалось, что они сбиваются съ пути и идутъ не туда, куда надо.

Вскорѣ на ихъ откуда-то подняло тяжелымъ, удушливымъ запахомъ и почти сейчасъ же послѣ этого передъ глазами началъ показываться и расти мрачный, весь окутанный почнымъ туманомъ, силуэтъ постройки.

Подойдя къ одному изъ угловъ дома, корнетъ остановился, на всякій случай вынулъ изъ кобуры своей боевой, десятизарядный револьверъ, и шопотомъ подозвалъ къ себѣ рядового.

Главная его забота заключалась не въ томъ, чтобы получше исполнить взятое на себя порученіе, это могъ сдѣлать и рядовой, а въ томъ, чтобы самому удобнѣе спрятаться отъ обстрѣла русскихъ и во время пожара незамѣтно ускользнуть къ своимъ.

Онъ разсчиталъ такъ: пока огонь будетъ разгораться и пока онъ не дойдетъ до послѣдней стѣны, онъ можетъ совершенно свободно и безопасно оставаться за ея прикрытиемъ. А пока пожаръ охватитъ всю постройку, онъ успѣетъ, пока еще не рухнули стѣны, отбѣжать на такое разстояніе, чтобы не быть освѣщеннымъ заревомъ.

Для этого онъ приказалъ своему помощнику натаскать соломы и начать поджогъ со стороны вражескихъ окоповъ, а самъ онъ укрылся за противоположную стѣнку и пользуясь ея защитой, закурилъ сигару.

Прошло нѣсколько долгихъ, мучительныхъ минутъ ожиданія. Несчастный корнетикъ волновался ужасно. И не одна только личная опасность пугала его. Его мучилъ мистическій страхъ передъ тѣмъ дѣломъ, которое ему предстояло совершить, и онъ еще въ темнотѣ представлялъ себѣ жуткую картину того, что скрывала за собой эта стѣна и что онъ неминуемо долженъ будетъ сейчасъ предъ собою увидѣть.

Сколько ихъ? Въ какомъ періодѣ разложенія находятся эти тѣла? Какъ они лежатъ?

Онъ вспомнилъ, что кто-то разсказывалъ ему, что когда въ крематоріи огонь впервые охватываетъ покойника, онъ начинаетъ извиваться, какъ живой, и онъ представилъ себѣ, какъ сейчасъ, за этой стѣной начнется эта дикая пляска труповъ.

А когда они успокоятся, обгорятъ и когда отъ нихъ запахнетъ жаренымъ мясомъ, я убѣгу, и пусть въ ихъ тогда стрѣляютъ русскіе,—подумалъ онъ,—только бы успѣть во-время добѣжать... Поскорѣе бы, поскорѣе!

Въ это время до его носа долетѣлъ пріятный запахъ соломеннаго дыма и, почти сейчасъ же вслѣдъ за этимъ, ярко вспыхнулъ противоположный уголъ постройки.

Почти одновременно со вспышкой огня, изъ русскихъ окоповъ затрещали отдѣльные выстрѣлы и корнету даже показалось, что мимо него просвистѣло нѣсколько пуль.

Благодаря керосину, которымъ солдатъ успѣлъ облить всю внутренность дома, пожаръ разгорался съ необыкновенной быстротой. Не прошло двухъ минутъ, какъ уже вся постройка горѣла почти кругомъ.

Офицеръ стоялъ противъ открытой двери и сквозь языки огня пытливо всматривался во внутренность главной комнаты, гдѣ, на полу, въ безпорядкѣ лежали какія-то неправильныя груды, перепутанныя, страшныя и непонятныя.

Откуда-то торчали чьи-то длинныя голыя ноги, около стѣнки одиноко маячила приподнятая кверху и застывшая въ угрожающей позѣ опухшая, вздутая рука, тутъ же изъ-подъ рваной солдатской шинели чернѣла густая щетка чьихъ-то синевато-черныхъ волосъ, и только въ сторонѣ, прислонясь къ печкѣ, полусидѣла могучая фигура величественнаго мертвеца, мрачно пагнувшагося къ своимъ согнутымъ колѣнкамъ и широко разставившаго огромныя грубыя и мозолистыя руки...

Вдругъ корнету показалось, что около него кто-то застоналъ.

Сначала тихо, потомъ громче, яспѣе, все ближе, ближе, одинъ голосъ, другой, кто-то зоветъ, наконецъ, раздрающіе крики, и около него, къ самымъ его ногамъ начинаютъ падать какіе-то люди.

Одни летятъ прямо съ потолка на земляной полъ, другіе карабкаются внизъ по лѣстницѣ, срываются прямо въ огонь и тамъ задыхаются и корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ.

Офицеръ замеръ въ ужасѣ, приподнялъ револьверъ и началъ тупо и методично стрѣлять.

Онъ остановился только тогда, когда у него не осталось больше ни одной пули. Тогда онъ бросилъ оружіе и кинулся куда-то бѣжать.

Сколько несчастныхъ онъ застрѣлилъ—никто никогда не узнаетъ. Я знаю только, что изъ всѣхъ живыхъ людей, прятавшихся на чердакѣ этого хутора, спасся лишь одинъ. Онъ же и рассказалъ мнѣ про эту ужасную исторію, когда онъ лежалъ послѣ въ одномъ изъ нашихъ лазаретовъ. По его словамъ на чердакѣ было много раненыхъ, которые заползли туда во время послѣдняго боя. Когда подожгли домъ, они полѣзли внизъ. И всѣ погибли, кто отъ огня, кто отъ пули своего же офицера. Погибъ и солдатъ, пришедшій сюда съ своимъ начальникомъ. Его нашли на другой день лежащаго тутъ же, около пожарища съ прострѣленной грудью. А храбрый офицеръ пропалъ безслѣдно.

Вотъ тѣ страшные призраки, которые рисовались передъ моими глазами всякій разъ, какъ я проѣзжалъ мимо этого загубленного и запустѣвшаго мѣста. Жутко подумать—сколько оно видѣло людскихъ страданій, сколько силы, и сколько слабости и немощи духовной!

Меня интересуетъ судьба несчастнаго, тщедушнаго корнетика. Я даже не хочу винить его за его трусость. За это можно только пожалѣть человѣка. Жаль и тѣхъ, которыхъ онъ убилъ.

Но почему-то больше всѣхъ вспоминается мнѣ раненая маленькая дѣвочка.

Она лежала, истекая кровью, вонъ тамъ, на поворотѣ тропинки, около тѣхъ двухъ березокъ...

И л ь я Т о л с т о й .